

БИЛИНГВА

BESTSELLER

**FAHRENHEIT
451**

Ray Bradbury

**451°
ПО ФАРЕНГЕЙТУ**

Рэй Брэдбери

Москва
2021

FAHRENHEIT 451:
The temperature at which book-paper
catches fire and burns

*This one, with gratitude,
is for DON CONGDON*

Part I

IT WAS A PLEASURE TO BURN

It was a special pleasure to see things eaten, to see things blackened and changed. With the brass nozzle in his fists, with this great python spitting its venomous kerosene upon the world, the blood pounded in his head, and his hands were the hands of some amazing conductor playing all the symphonies of blazing and burning to bring down the tatters and charcoal ruins of history. With his symbolic helmet numbered 451 on his stolid head, and his eyes all orange flame with the thought of what came next, he flicked the igniter and the house jumped up in a gorging fire that burned the

451⁰ по Фаренгейту¹ — температура,
при которой книжные страницы
воспламеняются и сгорают дотла...

*Эта книга с благодарностью
посвящается Дону Конгдону*

Часть I

ЖЕЧЬ БЫЛО УДОВОЛЬСТВИЕМ

А особым удовольствием было смотреть, как огонь поедает вещи, наблюдать, как они чернеют и меняются. В кулаках зажат медный наконечник, гигантский питон плюется на мир ядовитым керосином, в висках стучит кровь, и руки кажутся руками поразительно-го дирижера, управляющего сразу всеми симфониями возжигания и испепеления, чтобы низвергнуть историю и оставить от нее обуглившиеся руины. Шлем с символическим чис-

¹ 233 °С. (Здесь и далее — прим. перев.)

evening sky red and yellow and black. He strode in a swarm of fireflies. He wanted above all, like the old joke, to shove a marshmallow on a stick in the furnace, while the flapping pigeon-winged books died on the porch and lawn of the house. While the books went up in sparkling whirls and blew away on a wind turned dark with burning.

Montag grinned the fierce grin of all men singed and driven back by flame.

He knew that when he returned to the firehouse, he might wink at himself, a minstrel man, burnt-corked, in the mirror. Later, going to sleep, he would feel the fiery smile still gripped by his face muscles, in the dark. It never went away, that smile, it never ever went away, as long as he remembered.

He hung up his black-beetle-coloured helmet and shined it, he hung his flameproof jacket neatly; he showered luxuriously, and then, whistling, hands in pockets, walked across the upper floor of

лом 451 крепко сидит на крутом лбу; в глазах оранжевым пламенем полыхает предвкушение того, что сейчас произойдет, он щелкает зажигателем, и весь дом прыгает вверх, пожираемый огнем, который опалает вечернее небо и окрашивает его в красно-желто-черный цвет. Он идет в рое огненных светляков. Больше всего ему сейчас хочется сделать то, чем он любил забавляться в давние времена: ткнуть в огонь палочку со сладким суфле маршмэллоу, пока книги, хлопая голубиными крыльями страниц, гибнут на крыльце и на газоне перед домом. Пока они в искрящемся вихре взмывают ввысь и уносятся прочь, гонимые черным от пепла ветром.

На лице Монтага играла жесткая ухмылка — она возникает у каждого, кто, опаленный жаром, отшатывается от пламени.

Монтаг знал, что, вернувшись на пожарную станцию, захочет взглянуть в зеркало и подмигнуть себе — комедианту с выкрашенным под негра, словно жженой коркой, лицом. И затем в темноте, уже засыпая, он все еще будет ощущать огненную ухмылку, скованную мускулами щек. Сколько Монтаг себя помнил, она никогда не сходила с его лица.

Он повесил свой черный, с жучьим отливом, шлем и протер его до блеска; затем аккуратно повесил огнеупорную куртку. С наслаждением помылся под душем, после чего, насвистывая,

the fire station and fell down the hole. At the last moment, when disaster seemed positive, he pulled his hands from his pockets and broke his fall by grasping the golden pole. He slid to a squeaking halt, the heels one inch from the concrete floor downstairs.

He walked out of the fire station and along the midnight street toward the subway where the silent, air-propelled train slid soundlessly down its lubricated flue in the earth and let him out with a great puff of warm air an to the cream-tiled escalator rising to the suburb.

Whistling, he let the escalator waft him into the still night air. He walked toward the comer, thinking little at all about nothing in particular. Before he reached the corner, however, he slowed as if a wind had sprung up from nowhere, as if someone had called his name.

The last few nights he had had the most uncertain feelings about the sidewalk just around the corner here, moving in the starlight toward his house. He had felt that a moment before his making the turn, someone had been there. The air seemed charged with a special calm as if someone had waited there, quietly, and only a moment before he came, simply turned to a shadow and let

руки в карманах, прошагал по верхнему этажу пожарной станции и бросился в черный провал. В самую последнюю секунду, когда несчастье казалось уже неминуемым, он вытащил руки из карманов, обхватил золотой шест и прервал падение. Его тело с визгом остановилось, каблукки зависли в дюйме от бетонного пола нижнего этажа.

Выйдя со станции, он прошел по ночной улице к метро, сел в бесшумный пневматический поезд, скользивший по хорошо смазанной трубе подземного тоннеля, а затем упругая волна теплого воздуха выдохнула Монтага на кремовые ступеньки эскалатора, поднимавшиеся к поверхности пригорода.

Продолжая насвистывать, он позволил эскалатору вынести себя в неподвижный ночной воздух. Ни о чем особенном не думая, Монтаг зашагал к повороту. Еще не успев к нему приблизиться, он замедлил шаг, словно откуда ни возьмись поднялся вдруг встречный ветер или кто-то окликнул его по имени.

Уже не в первый раз за последние несколько дней, подходя в звездном свете к повороту тротуара, за которым скрывался его дом, Монтаг испытывал это неясное тревожное чувство. Словно за углом, который ему надо было обогнуть, за миг до его появления кто-то побывал. В воздухе, казалось, царила особенная тишина, будто там, впереди, кто-то ждал Монтага и все-

him through. Perhaps his nose detected a faint perfume, perhaps the skin on the backs of his hands, on his face, felt the temperature rise at this one spot where a person's standing might raise the immediate atmosphere ten degrees for an instant. There was no understanding it. Each time he made the turn, he saw only the white, unused, buckling sidewalk, with perhaps, on one night, something vanishing swiftly across a lawn before he could focus his eyes or speak.

But now, tonight, he slowed almost to a stop. His inner mind, reaching out to turn the corner for him, had heard the faintest whisper. Breathing? Or was the atmosphere compressed merely by someone standing very quietly there, waiting?

He turned the corner.

The autumn leaves blew over the moonlit pavement in such a way as to make the girl who was moving there seem fixed to a sliding walk, letting the motion of the wind and the leaves carry

го за какое-то мгновение до встречи этот кто-то обращался в бесшумную тень, с тем чтобы пропустить Монтага сквозь себя. Не исключено, что его ноздри улавливали слабый запах духов, а может быть, кожей лица и тыльной стороны ладоней он именно в этом месте ощущал некое потепление воздуха, ибо невидимка одним своим присутствием мог на пять-шесть градусов поднять температуру окружающей его атмосферы, пусть даже всего на несколько мгновений. Понять, в чем тут дело, было невозможно. Тем не менее, завернув за угол, Монтаг неизменно видел одни лишь белые горящиеся плиты пустынного тротуара, и только однажды ему помешалось, будто чья-то легкая тень, скользя по газону перед одним из домов, исчезла чуть раньше, чем ему удалось взглядеться или подать голос.

Однако сегодня перед поворотом он так замедлил шаг, что почти остановился. В мыслях своих он был уже за углом, поэтому сумел уловить слабый, еле слышный шепот. Чье-то дыхание? Или всего-навсего напряжение воздуха, вызванное присутствием того, кто тихо стоял там, поджидая его?

Монтаг завернул за угол.

По тротуару, залитому лунным светом, ветер гнал осеннюю листву, и со стороны казалось, будто идущая впереди девушка, не совершая никаких движений, плывет над тротуаром,

her forward. Her head was half bent to watch her shoes stir the circling leaves. Her face was slender and milk-white, and in it was a kind of gentle hunger that touched over everything with tireless curiosity. It was a look, almost, of pale surprise; the dark eyes were so fixed to the world that no move escaped them. Her dress was white and it whispered. He almost thought he heard the motion of her hands as she walked, and the infinitely small sound now, the white stir of her face turning when she discovered she was a moment away from a man who stood in the middle of the pavement waiting.

The trees overhead made a great sound of letting down their dry rain. The girl stopped and looked as if she might pull back in surprise, but instead stood regarding Montag with eyes so dark and shining and alive, that he felt he had said something quite wonderful. But he knew his mouth had only moved to say hello, and then when she seemed hypnotized by the salamander on his arm and the phoenix-disc on his chest, he spoke again.

подхваченная этим ветром вместе с листьями. Чуть наклонив голову, она смотрела, как носки ее туфель прорезают кружащуюся листву. В тонком, молочно-белом лице таилась тихая жадность впечатлений, бросавшая на все вокруг свет неутолимого любопытства. Взгляд ее был полон нежного недоумения: черные глаза взирали на мир с такой пытливостью, что от них не мог ускользнуть даже малейший жест. Белое платье будто шептало что-то. Монтагу показалось, что он слышит, как в такт шагам покачиваются руки; он даже различил почти неуловимый звук — то был светлый трепет девичьего лика, когда она, обернувшись, увидела, что ее и мужчину, застывшего в ожидании посреди дороги, разделяют всего несколько шагов.

В кронах деревьев над их головами раздавался чудесный звук — словно сухой дождь пронизывал листву. Остановившись, девушка шевельнулась, как бы желая податься назад от удивления, но вместо этого принялась внимательно разглядывать Монтага черными сияющими глазами, будто он только что обратился к ней с какими-то особенно проникновенными словами. Между тем он твердо знал, что его губы произнесли всего-навсего обыкновенное приветствие. Затем, увидев, что девушка, словно замороженная, не может оторвать взгляда от рукава его куртки с изображением саламан-

“Of course,” he said, “you’re a new neighbour, aren’t you?”

“And you must be”—she raised her eyes from his professional symbols—“the fireman.” Her voice trailed off.

“How oddly you say that.”

“I’d-I’d have known it with my eyes shut,” she said, slowly.

“What-the smell of kerosene? My wife always complains,” he laughed. “You never wash it off completely.”

“No, you don’t,” she said, in awe.

He felt she was walking in a circle about him, turning him end for end, shaking him quietly, and emptying his pockets, without once moving herself.

“Kerosene,” he said, because the silence had lengthened, “is nothing but perfume to me.”

“Does it seem like that, really?”

“Of course. Why not?”

She gave herself time to think of it. “I don’t know.” She turned to face the sidewalk going toward their homes. “Do you mind if I walk back with you? I’m Clarisse McClellan.”

дры и диска с фениксом на груди, он заговорил снова.

— Конечно же, — сказал Монтаг, — вы наша новая соседка, не правда ли?

— А вы, надо полагать... — она все же сумела отвести глаза от его профессиональных эмблем, — ...пожарный?

Девушка тут же умолкла.

— Как странно вы это сказали.

— Я бы... я бы догадалась об этом и с закрытыми глазами, — медленно произнесла девушка.

— Что, запах керосина? Моя жена вечно жалуется, — рассмеялся он. — Сколько ни мойся, до конца ни за что не выветрится.

— Да, не выветрится, — сказала она с благоговейным ужасом.

Монтаг чувствовал, как девушка кружит вокруг него, вертя во все стороны, и легонько встряхивает, выворачивая все его карманы, ни разу к ним не прикоснувшись.

— Керосин, — сказал он, чтобы молчание не затягивалось еще больше, — для меня это все равно что духи.

— В самом деле?

— Конечно. Что тут такого?

Она задумалась, прежде чем ответить.

— Не знаю. — Девушка обернулась в сторону домов, к которым вел тротуар. — А можно мне пойти с вами? Меня зовут Кларисса Макклеллан.